

С. П. КАРПОВ

ТРАПЕЗУНДСКАЯ ИМПЕРИЯ И РУССКИЕ ЗЕМЛИ

Протянувшаяся тонкой полосой по южному берегу Черного моря, Трапезундская империя (1204—1461) занимала важное место в системе экономических и политических связей стран Восточного Средиземноморья и Ближнего Востока. Через ее территорию проходили магистральные торговые пути из Европы в Малую Азию, Персию и Крым¹. В XIII—XV вв. Трапезунд был значительным культурным и религиозным центром православного Востока, связи с которым были традиционными для древнерусских княжеств.

Отдельные свидетельства русских летописей о Трапезунде и Трапезундской империи не раз привлекали внимание исследователей. Еще А. А. Куник и С. М. Соловьев отметили lamentации древнерусских книжников по поводу горестной судьбы погибших греческих земель, в том числе Трапезунда². Л. В. Черепнин обратил внимание на сведения о посещении трапезундским митрополитом Москвы в 1388—1389 г.³ Я. Н. Шапов обнаружил в Уставе князя Всеволода приписку XV в. с упоминанием Трапезунда⁴. Нельзя не отметить изысканий Б. Л. Фонкича, установившего, что рукопись ГИМ № 284 переписана трапезундским митрополитом Феодулом в период его пребывания в Москве⁵. Единственная статья, специально посвященная нашей теме, написана английскими исследователями Р. Милнер-Галланд и А. Брайером. В ней освещается посещение Москвы и Новгорода двумя трапезундскими митрополитами⁶. Однако авторы больше занимал вопрос о преемственности на архиерейской кафедре в Трапезунде, чем сами связи между Русью и империей Великих Комнинов. Авторы приходят к заключению, что эти митрополиты направлялись в Россию Константинопольским патриархом и их посещение Русского государства стоит вне связи с политикой трапезундских императоров.

Таким образом, в специальной литературе рассматривались лишь отдельные эпизоды из истории трапезундско-русских отношений, притом

¹ О Трапезундской империи см. последнюю публикацию: *Janssens E. Trébizonde en Colchide. Bruxelles, 1969*; см. также: *Карпов С. П. Трапезундская империя и государства Европы в XIII—XV вв. Автореф. канд. дисс. М., 1974.*

² *Куник А. А. Основание Трапезундской империи в 1204 г. — УЗ АН по I и III отд., т. 2. СПб., 1854, с. 707; Соловьев С. М. История России, кн. III. М., 1960, с. 214.*

³ *Черепнин Л. В. Отражение международной жизни XIV—начала XV в. в московском летописании. — В кн.: Международные связи России до XVII в. М., 1961, с. 234—235.*

⁴ *Шапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI—XIV вв. М., 1972, с. 176.*

⁵ *Фонкич Б. Л. Рец. на кн.: H. Follieri. Codices graeci Bibliothecae Vaticanae selecti. — ВВ, 35, 1973, с. 285.*

⁶ *Millner-Gulland R. R., Bryer A. Two metropolitans of Trebizond in Russia. — «Ἀρχαῖον Πόντου», 27, 1965, p. 21—27.*

в связи с разработкой особых тем. Еще не учтена вся совокупность летописных свидетельств, а некоторые источники, как, например, цикл древнерусских повестей о Флорентийском соборе, «Послание новгородцам» московского митрополита Феодосия (1464), хроника Жана де Ваврина о торговле трапезундцев и т. д., до сих пор не привлекались для исследования трапезундско-русских отношений. Я полагаю, что историко-ведческая база темы сможет еще более расшириться: наличие таких возможностей показало уже упомянутое исследование Б. Л. Фонкича.

Связи Понта с русскими землями, существовавшие еще до образования Трапезундской империи⁷, не прекратились и после 1204 г. Они должны были стать еще более интенсивными: ведь в состав государства Великих Комнинов входил и юго-западный берег Крыма, зависимость от Трапезунда признавали Херсон и Сурож, крупные торговые центры Северного Причерноморья⁸. Через Сурож в Трапезунд поступал русский хлеб, пушнина и другие товары⁹. «История сельджуков» Ибн ал-Биби дает основания говорить о тесных связях Суροжа с каким-то из русских князей: когда в 1223 г. сельджукский флот эмира Чолпана выступил в поход против Суροжа, последний находился в союзе с русскими и кипчаками¹⁰. Отождествить русского князя не удастся: Ибн Биби называет его просто «маликом русов». Примечательно лишь, что он был союзником половцев, а после их поражения, стремясь сохранить свое присутствие в Крыму, согласился платить иконийскому султану дань льном, конями и пр.¹¹ Еще В. Г. Васильевский справедливо заметил, что поход сельджуков против Крыма был эпизодом «большой войны иконийского султана с царем трапезундским»¹², которая закончилась полным разгромом войск султана под Трапезундом в 1223 г. императором Андроником I Гидом¹³.

Битва при Калке (1223) и затем татарское нашествие на Русь прервали складывавшиеся связи, уничтожили на время старые, идущие через

⁷ См.: *Heyd W. Histoire du Levant au moyen âge*, vol. 2. Leipzig, 1886, p. 92—93; *Липниц Е. Э.* Очерки истории византийского общества и культуры. VIII—первая половина IX века. М.—Л., 1961, с. 95—96; *Каждан А. П.* Деревня и город в Византии IX—X вв. М., 1960, с. 274—278.

⁸ *Брун Ф. К.* Материалы для истории Сугдеи. — «Черноморье», т. 2. Одесса, 1880, с. 133; *его же.* О поселениях итальянских в Газарии. М., 1872, с. 8—10; *Васильевский В. Г.* Русско-византийские исследования. Жития св. Георгия Амастридского и Стефана Суροжского. — В кн.: Труды В. Г. Васильевского, т. 3. Пг., 1915, с. CLXVIII—CLXXVIII; *Heyd W.* Op. cit., vol. 1. Leipzig, 1885, p. 297; vol. 2, p. 208—211; *Vasiliev A. A.* The Goths in the Crimea. Cambridge, Mass., 1936, p. 150, 158—160, 162, 168, 170; *Bratiani N.* Recherches sur le commerce Génois dans la Mer Noire au XIIIe siècle. Paris, 1929, p. 181—183, 203—204, 305; *idem.* La Mer Noire. Dès origines à la conquête ottomane. München, 1969, p. 180—183; *Janssens E.* Op. cit., p. 69; *Лугаев Г. Г.* Социально-экономический и политический строй Никейской империи, Эпирского царства и Трапезундской империи. — В кн.: История Византии, т. 3. М., 1967, с. 49.

⁹ *Якубовский А. Ю.* Рассказ Ибн-ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII в. — ВВ, XXV, 1928, с. 65.

¹⁰ *Die Seltshukengeschichte des Ibn Bibi*, hrsg. von H. Duda. Kopenhagen, 1959, S. 130—139; *Мелиоранский П.* Сельджук-намах как источник по истории Византии в XII и XIII вв. — ВВ, I, 1894, с. 640.

¹¹ *Якубовский А. Ю.* (указ. соч., с. 62) считал, что это был рязанский князь, так как именно он мог платить дань льняными изделиями, не производимыми в связанных с Киевом южных княжествах. Однако этот аргумент необоснован, так как льняные ткани производились отнюдь не в одной Рязани и могли, кроме того, быть приобретены путем обмена и торговли. Нам, например, неизвестно, чтобы в Рязанском княжестве выращивались породистые скакуны, которые также были подарены султану от «малика русов». Последний, по тексту Ибн Биби, настойчиво пытался сохранить свои позиции в Крыму и даже упрочить их, идя ради этого на уплату дани. Не правильнее ли думать, что перед нами князь-изгой?

¹² *Васильевский В. Г.* Указ. соч., с. CLXXIV, CLXXVI; ср.: *Куник А. А.* О связи трапезундско-сельджукской войны 1223 г. с первым нашествием татар на северное Черноморье. — УЗ АН по I и III отд., т. 2. СПб., 1854, с. 734—746.

¹³ *Пападопуло-Керамевс А.* Сборник источников по истории Трапезундской империи, т. 1. СПб., 1897, с. 117—132; ср.: *Успенский Ф. И.* Очерки из истории Трапезундской империи. Л., 1929, с. 48—58.

Крым торговые пути¹⁴. Лишь с подъемом Москвы происходит оживление политических, торговых и церковных связей Руси с Византией и Трапезундом. В XIV—XV вв. функционировал ряд торговых путей из Руси к Черному морю: 1) путь по Днепру (основной для X—XI вв.) — теперь он имел меньшее значение и вследствие татарской угрозы, и потому, что днепровские пороги препятствовали перевозу возросшего объема грузов; 2) путь, описанный в «Хождении» митрополита Пимена (конец XIV в.), — через Тану (Азов) в Крым, затем на Синоп и в Константинополь; 3) путь через Смоленск и Слуцк по западным украинским землям — к Белгороду (Монкастро) и Константинополю. По этому пути шли как из Северо-Восточной Руси, так и из Новгорода (через Полоцк)¹⁵. Е. Ч. Скржинская указывает на существование еще двух путей: 4) «по сушу» до крымского берега (чаще к Кафе) и 5) по Волге до Сарая, затем либо до Тамани, либо — по Дону — до Таны¹⁶. Помимо этих путей существовал еще один — по Волге к Астрахани и через «черкаскую» и «грузинские земли» — до Трапезунда и Царьграда. Правда, упоминание о нем относится уже к XVI в., к 1565 г.¹⁷ Эта магистраль была резервной и могла широко использоваться только после присоединения к России Казанского и Астраханского ханств. Но иногда по Волге и Каспию ходили и прежде; так, например, через Фассо, Шемаху, Дербент, Астрахань добирался из Персии на Русь в 1475—1476 г. венецианский посол Амброджо Контарини¹⁸.

Наибольшее значение, бесспорно, имели два направления. Первое — к Белгороду и Тане, а оттуда — к малоазийскому берегу. Анализ значительного числа дошедших до нас источников¹⁹ показывает, что путь от Таны до Константинополя чаще всего лежал через Трапезунд, далеко не каждый раз с заходом в Синоп, который в XIV в. был настоящим пиратским гнездом. Единичное свидетельство «Хождения» Пимена о пути через Тану — Синоп, видимо, не может приниматься во внимание при определении важнейших станций на пути из Азова в Черное море.

Другой важнейший путь вел из Монкастро (Белгорода) к Константинополю, минуя Трапезунд. Но примечательно, что именно в Монкастро, где начинался черноморский путь из Руси, Польши и Литвы на юг, и прибывали в значительном числе сами трапезундские купцы, во всяком случае, в XV в.²⁰ О связях Трапезунда с кипчакской степью и другими

¹⁴ См.: Новосельцев А. П., Пашуто В. Т. Внешняя торговля Древней Руси (до середины XIII в.). — «История СССР», 1967, № 3, с. 107—108.

¹⁵ Тихомиров М. Н. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969, с. 28—31, 43—52, 70—72; *его же*. Средневековая Россия на междunarодных путях (XIV—XV вв.). М., 1966, с. 81—88; Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, с. 521—522.

¹⁶ Скржинская Е. Ч. Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Л., 1971, с. 61.

¹⁷ Ввиду чрезвычайных обстоятельств — войны с Литвой — Иван IV отпустил таким путем в Царьград Кизикского митрополита Иоасафа и афонских старцев, отправившихся вместе с грузинским послом; см.: ПСРЛ, т. 13, с. 391; т. 30, с. 340—341.

¹⁸ Скржинская Е. Ч. Указ. соч., с. 192—202, 214—226.

¹⁹ Важнейшие публикации документов и перест: *Deliberazioni del Consiglio dei Rogati* (Senato), Serie «Mistorum», vol. 1, a cura di R. Cessi e P. Sambin; vol. 2, a cura di R. Cessi e M. Brunetti. Venezia, 1960—1961; *Thiriet F. Régestes des délibérations du Sénat de Venise concernant la Romanie*, t. 1—3. Paris, 1958—1961; *idem. Délibérations des Assamblées vénitiennes concernant la Romanie*, t. 1—2. Paris, 1966, 1971; *Jorga N. Notices et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle*. — «Revue de l'Orient Latin», 4—8, 1896—1900; *Bratianu G. I. Actes des notaires génois de Pera et de Caffa de la fin du XIIIe siècle*. Bucarest, 1927; *Gênes et l'Outre-Mer*, t. I: Les actes de Caffa du notaire Lamberto di Sambuceto, 1289—1290, par M. Balard. Paris, 1973; «*Diplomatarium Veneto-Levantinum*», pars 1, ed. G. M. Thomas. Venetis, 1880; pars 2, ed. R. Predelli. Venetis, 1889.

²⁰ *Jehan de Wavrin. Anciennes croniques d'Engleterre*, t. 2, ed. Mlle Dupont. Paris, 1859, p. 85. В том же Белгороде турками был замучен трапезундский купец Иоанн Новый: ПСРЛ, т. 31, с. 119 (под 1491—1492 г.); архим. Порфирий.

северными странами (прежде всего, русскими княжествами) через Крым писал в XIV в. арабский географ аль-Умари, черпавший многие свои сведения из разговоров с генуэзцами и сочинений арабских писателей²¹.

Данные о прямых политических и церковных связях Трапезунда и Руси немногочисленны. Все летописи, связанные с Москвой, и общерусские своды сообщили о приезде в Москву трапезундского митрополита Феогноста: «И на том же лете прииде некий гречин митрополит на Русь, именем Феогност тряпизоньский милостыня ради»²². Феогност пробыл на Руси более года и 20 мая 1389 г. присутствовал на погребении великого князя московского Дмитрия Ивановича Донского. Он назван в русских источниках первым среди всех епископов²³ — в соответствии с его местом в *Notitiae episcopatum*²⁴.

Приезд Феогноста пришелся на тяжелое для Московской Руси время: всего 5—6 лет назад Москва была сожжена Тохтамышем. Борьба с татарами, приведшая к победе на поле Куликовом, требовала большого напряжения сил и стоила огромных жертв. Но именно эта победа еще выше подняла авторитет Москвы, ее роль в сплочении единого Русского государства. В этих условиях московские князья всячески поддерживали свой международный престиж, учитывая значение прямых связей с Византией и всем греческим миром для укрепления авторитета великого князя и московского митрополита. Л. В. Черепнин указал на то, что поддержка православного населения Малой Азии, Средиземноморья, Палестины, Синая была *политикой* московских великих князей²⁵. Поэтому визит иерея одной из самых почитаемых во вселенском патриархате митрополий и нашел отражение в московском летописании.

Другим трапезундским митрополитом, посетившим Русь, был Феодул. Новгородская I летопись отметила его приезд в Новгород «в лето 6915» (сентябрь 1406—август 1407 г.). Мотив поездки тот же: «милостыня ради»²⁶. После богатого Новгорода, от которого было естественно ждать денежной помощи, в следующем году Феодул посетил Москву. Его пребывание здесь было достаточно продолжительным: тут им были написаны две рукописи. Одна (сборник типа «цветослова» — избранные службы из Октоиха, Триоди, Миней и т. д.) — cod. Vatic. Gr. 779 — содержит пометы переписчика, где он сообщил о себе, «смиренном и недостойном грешнике, а ныне епископе Феодуле, прежде (митрополите) Трапезундском». Из приписки ясны и обстоятельства, и время написания рукописи: она создана в Москве, во время болезни Феодула, видимо, вызванной тяжестью путешествия для уже немолодого человека. Рукопись завершена в августе 1408 г. Н. Красносельцев, изучавший манускрипт и издавший его пометы, справедливо заметил, что рукопись предназначалась для продажи: переписчик хотел своим трудом увеличить сумму собранной милостыни²⁷. Принадлежность еще одной греческой рукописи, написанной в Москве, перу Феодула (ГИМ № 284) была установлена методом отождествления почерка Б. Л. Фонкичем. Это Триодь постная и цветная, принадлежавшая митрополиту московскому Фотию²⁸.

Мученичество и Житие св. Иоанна Нового Трапезундского. — ЗООИД, IX, 1875, с. 149—160.

²¹ *Quatremère M.* Mesalek Alabsar fi Memalek Alamsar, voyages des yeux dans les royaumes des différantes contrées. — «Notices et extraits des manuscrits de la bibliothèque du roi et autres bibliothèques», vol. 13, partie 1. Paris, 1838, p. 380.

²² *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.—Л., 1950, с. 433; ПСРЛ, т. 8, с. 52; т. 11, с. 94; т. 18, с. 138.

²³ ПСРЛ, т. 4, с. 354; т. 6, с. 109; т. 8, с. 58; т. 11, с. 116—117; т. 18, с. 138; *Приселков М. Д.* Указ. соч., с. 434.

²⁴ См. об этом: *Карпов С. П.* Трапезунд и Константинополь в XIV в. — ВВ, 36, 1974, с. 95—98, табл.

²⁵ *Черепнин Л. В.* Указ. соч., с. 234—235.

²⁶ ПСРЛ, т. 3, с. 103.

²⁷ *Красносельцев Н.* Сведения о некоторых литургических рукописях Ватиканской библиотеки. Казань, 1885, с. 38—48.

²⁸ *Фонкич Б. Л.* Указ. соч., с. 285; *его же.* Греческая рукопись митрополита Фо-

Какую же миссию выполняли трапезундские митрополиты во время этих поездок в Москву и Новгород? Казалось бы, русская летопись дает ответ на вопрос о цели их приезда — сбор подаяния. Но кому предназначались эти деньги, и только ли в этом смысл поездки? Р. Милнер-Галланд и А. Брайер полагают, что трапезундские митрополиты отправились на Русь из Константинополя сразу же после их избрания, даже не побывав в Трапезунде, т. е. они были посланы туда не Великими Комнинами, а Константинопольским патриархом, неоднократно отправлявшим на Русь и других архиереев. Авторы считают, что трапезундские митрополиты поставлялись не в Трапезунде, а в византийской столице, т. е. привилегии, данные трапезундской кафедре в 1261 г.²⁹ были отменены. Эти замечания, однако, нуждаются в больших оговорках.

Во-первых, порядок избрания трапезундского митрополита в Константинополе лишь начинал устанавливаться в это время и был связан с общим сближением Трапезундской и Византийской империй, с универсалистской политикой в делах церкви патриарха Филофея Коккина. Из двух предшественников Феогноста один, Иосиф Лазаропул, был избран в Трапезунде (1364 г.), другой, Феодосий, в Константинополе (1370)³⁰. Во-вторых, трапезундские императоры вовсе не отказывались от контроля за назначением на трапезундскую и аланскую митрополичьи кафедры. Мануилу III (1390—1416) удалось добиться поставления нужных ему кандидатов даже вопреки строгим каноническим правилам³¹. Оставление столицы империи на длительный срок без архиерея могло произойти только по согласованию с императором, с учетом его интересов. В этом отношении миссия трапезундского митрополита не может быть приравнена к посылке архиерея любой, даже высокой, но не столичной кафедры. Логичнее предположить, что после смерти митрополита Феодосия в 1388 г. избранный на его место Феогност был с согласия Алексея III (1349—1390) отправлен в Россию с целью, которая в равной мере учитывала интересы и трапезундской кафедры, и патриархата.

В конце XIV в. для Трапезундской империи наступили тяжелые времена: усилилась турецкая угроза, значительно сократились поступления от итальянской торговли, испытывавшей упадок после Кюджской войны (1376—1381), снижался вес основной трапезундской монеты — серебряного аспра, все больше средств требовали содержание войск, строительство крепостей, флота. В то же время при Алексее III были издержаны значительные суммы на строительство и возобновление монастырей и храмов как в самой империи, так и далеко за ее пределами³². По мере нарастания финансовых и политических трудностей правящие круги Тра-

тия. — В кн.: Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1972, с. 189—195. Б. Л. Фонкич установил, что рукопись была написана до пасхи 1409 г., так как содержащаяся в ней пасхалия начинается с этого года. *Terminus post quem* — пасха 1408 г. Греческий исследователь митрополит Хрисанф предполагал, на основании употребленного Феогностом слова *ποτέ*, что к августу 1408 г. из-за болезни Феогност отрекся от места: *Μητροπολίτης Χοδσαγρος. 'Η 'Εκκλησία Τραπεζούντος. — 'Αρχαίον Πόντου*, т. 4—5, 1936, σελ. 258—259. Митрополит Фотий прибыл в Москву лишь весной 1410 г. и, вероятно, здесь и приобрел эту рукопись, ценную реликвию греко-русских культурных связей.

²⁹ См.: *Petit L. Acte synodal du patriarche Nicéphore II sur les privilèges du métropolitain de Trébizonde.* — ИРАЙК, VIII, вып. 3, 1903, с. 163—171.

³⁰ См. подробнее: *Карпов С. П.* Трапезунд и Константинополь, с. 98—99.

³¹ См.: ММ, II, № 636, 673. Кстати, эти факты отмечены и английскими исследователями.

³² На средства трапезундской казны был основан монастырь на Афоне (Дионисиат, 1374 г.), обновлены или реконструированы трапезундский монастырь Сумела (1364), храм св. Фоки в Кордилах (ок. 1361 г.), монастырь Феоскепаст (1364) и некоторые другие. Причины такого строительства лежали не только в сфере духовных, но и политических интересов. Трапезундской империи приходилось вести борьбу за свой престиж в греческом мире и на международной арене, и одним из орудий этой борьбы была церковная политика. Показательно, что именно со второй половины XIV в. начинается значительное возвышение трапезундской митрополии во вселенском патриархате.

пезундской империи обращали все большее внимание на усиливавшееся Московское княжество. С другой стороны, высокое положение трапезундского архиеерея среди иерархов византийской церкви делало его подходящей кандидатурой патриархата для почетной миссии в Москву и Новгород. Налаживавшиеся через купцов связи Понта с русскими землями закреплялись по официальным каналам.

Важным событием для Византии и Руси был Ферраро-Флорентийский собор. О нем, помимо греческих и латинских источников, ценные сведения сообщают источники русские³³. Это прежде всего «Повесть Симеона Суздальского об осьмом соборе», составленная вскоре после 1447 г. и написанная участником собора. Симеон повествует о прибытии на собор трапезундского царства митрополита Дорофея и посла трапезундского императора Иоанна IV. Среди других греческих митрополитов особо упомянуты лишь иверский и митрополит «волошских земель»³⁴. Только из «Повести» мы узнаем имя трапезундского посла: им был Иоанн, патроним которого — Макродука — сообщает автор пространных воспоминаний о соборе великий епископ константинопольской церкви Сильвестр Сиропул³⁵.

На основе «Повести» Симеона и некоторых дополнительных источников в 1461—1462 г.³⁶ в Москве было составлено «Слово избрано» о низвержении митрополита-униата Исидора. Это прославление ортодоксальной политики московского великого князя, обоснование прав русской церкви на автокефалию носило официальный характер и было выполнено по заказу правящих кругов Московской Руси. Позднее «Повесть» была включена в состав ряда летописей. Несмотря на сделанные сокращения и переработки, автор счел нужным оставить упоминание следующего непосредственно за патриархом «трапизоньского царя митрополита»³⁷. Может быть, это и память о недавней трагической гибели Трапезундской империи, сохранившей свое православие, не принявшей унию?

Наконец, в записках анонимного суздальца — «Хождение» митрополита Исидора на Флорентийский собор — и созданной на их основе компиляции приведены данные о присутствовавших на соборе греческих митрополитах. В целом автор следует принятому порядку греческих нотаций епископий, хотя и допускает погрешности. Трапезундскому владыке отведено занимаемое им место — вслед за представителями восточных патриархов³⁸. В упомянутой компиляции из анонимных путевых записок и сочинения Симеона имеется указание, что на соборе присутствовал трапезундский император. В других русских источниках такой ошибки нет³⁹.

³³ См.: Делекторский Ф. Критико-библиографический обзор древнерусских сказаний о Флорентийской унии. — ЖМНП, 1895, июль, с. 131—184; Павлов А. С. Критические опыты по истории древнейшей русской полемики против латинян. СПб., 1878; Щербина А. Д. Литературная история русских сказаний о Флорентийской унии. Одесса, 1902; Черепнин Л. В. К вопросу о русских источниках по истории Флорентийской унии. — СВ, 25, 1964, с. 176—187; Мощинская Н. В. Литературная история «Повести об осьмом Ферраро-Флорентийском соборе» Симеона Суздальского. — УЗ МГПИЛ, № 455, 1971, с. 43—60; Алпагов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа XII—XVII вв. М., 1973, с. 129—151. См. также: Казакова Н. А. Хождение во Флоренцию 1437—1440 гг. — ТОДРЛ, т. XXX, 1976, с. 73—94.

³⁴ См.: Павлов А. С. Указ. соч., с. 199.

³⁵ Laurent V. Les «Mémoires» du Grand Ecclésiarcque de l'Eglise de Constantinople Sylvestre Syropoulos sur le concile de Florence (1438—1439). Paris, 1971, p. 460, 462, 604.

³⁶ Датировка А. Н. Попова — Ф. Делекторского — А. Д. Щербины — Л. В. Черепнина. Н. В. Мощинская (указ. соч., с. 55) считает, что «Слово» появилось в 70-х годах XV в.

³⁷ Попов А. Н. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI—XV вв.). М., 1875, с. 364; ср. ПСРЛ, т. 6, с. 152; т. 8, с. 101; т. 12, с. 26; т. 18, с. 178, 182.

³⁸ Древняя российская вивлиофика, ч. VI. М., 1788, с. 36—37; Сахаров И. Сказания русского народа, ч. 2, кн. VIII. СПб., 1849, с. 85.

³⁹ Ошибка свидетельствует, между прочим, о том, что компилятивный источник

Перед нами заблуждение компилятора, которое само по себе свидетельствует о характере сложившихся отношений, о роли Трапезундской империи в системе связей Руси с Востоком.

Итак, если мы имеем разнообразные свидетельства знакомства русских с Трапезундской империей, закономерно спросить: когда на Руси узнали о падении Трапезунда и какой была реакция на это известие? Обычно считали, что весть о взятии Трапезунда турками пришла на Русь в конце 70-х—начале 80-х годов XV в. В пользу такого предположения приводят сведения «Хожения» Афанасия Никитина и летописной повести «О царе Ахмате, как приходил на Угру» (1481)⁴⁰. Однако имеется документ, позволяющий утверждать, что такое известие было получено значительно раньше. Речь идет о «Послании митрополита Феодосия новгородцам и псковичам о милостыни на искупление св. Гроба Господня от неверных» (1464). Суть дела такова: в результате землетрясения в Иерусалиме была разрушена одна из наиболее почитаемых святынь Востока — храм Гроба Господня. За разрешение вновь отстроить храм и уберечь его от предполагавшегося сноса мамлюкский султан потребовал большой выкуп — сначала 10, а затем 6 тыс. венецианских дукатов. Чтобы собрать деньги, сам патриарх Иерусалимский Иоаким отправился на Русь, но умер по пути, в Кафе. Довести это дело до конца было поручено его протосинкелу Иосифу, поставленному по просьбе покойного патриарха в Москве митрополитом Кесарии Палестинской. Этот Иосиф сообщил об оскудении казны патриарха, «зане бо много тма беззаконных поганых насилием объят веру благочестия и святаа места града Иерусалима, даже и святаго града Костянтинополя, с ним же Болгарскаа и Сербскаа и Тряпизонскаа земля, и иныя многия святыя места, иже помогали святому Христову Гробу, и ныне тые вои покрываша мьглоу безверия, погаными, увы! последним сим временем, грех ради наших»⁴¹. Таким образом и было получено на Руси известие о падении столицы последней греческой империи⁴². Позднее о взятии Трапезунда под 6970 г. (1 сентября 1461—31 августа 1462 г.), приведя почти точную дату события, сообщила Воскресенская летопись⁴³.

Наконец, самое яркое свидетельство того сочувствия, с которым наши предки отнеслись к судьбе Трапезунда, находится в анонимной повести «О царе Ахмате», написанной в связи с походом Ивана III и стоянием на Угре, событием, положившим конец татарскому игу на Руси. Повесть звала к мужеству в критический момент русской истории, выступала за решительную и последовательную борьбу с врагом. Автор ее писал: «Да не узрят очи ваши разлепления домов ваших... якоже пострадаша и инии велиции и славнии земли от Турков, еже глаголются Болгарии, и Сербии, и Грецы, и Трапезон, и Аморрея ... и Манкуп, и Кафа... И скитаются по чюжим странам бедне воистину и странне и много плача и слез достойно, укоряеми и поношаеми и оплюваеми, яко немужьствени...»⁴⁴

не был составлен очевидцем событий, самим Симеоном, как полагал Делекторский (указ. соч., с. 157). Вопрос авторства «Хожения» разобран в работе: *Мошинская Н. В.* Об авторе «Хожения на Флорентийский собор» в 1439—1441 гг. — УЗ МГПИЛ, № 363, 1970, с. 288—300.

⁴⁰ См., например: *Щапов Я. Н.* Указ. соч., с. 176.

⁴¹ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею, т. I. СПб., 1841, с. 127—129.

⁴² Сведения о поездке Иосифа на Русь сохранились и в московском летописании; см.: ПСРЛ, т. 12, с. 116; т. 25, с. 278. См. также: *Соловьев С. М.* Указ. соч., кн. 3, с. 198.

⁴³ ПСРЛ, т. 7, с. 251. Это свидетельство отсутствует в основном источнике Воскресенской летописи — Московском летописном своде 1479 г. Воскресенскую летопись вообще отличает повышенный интерес к греческим делам. В связи с этим встает вопрос об особых источниках ее информации.

⁴⁴ ПСРЛ, т. 8, с. 207; т. 12, с. 202; т. 22, ч. 1, с. 501—502; т. 23, с. 182; т. 24, с. 201—202; т. 28, с. 151, 316.

Единственное описание посещения русскими Трапезунда в интересующее нас время, принадлежит знаменитому путешественнику Афанасию Никитину, возвращавшемуся на Русь из Персии в 1472 г., когда Трапезунд был уже под властью османов. Путь Никитина лежал от Эрзинджана к Трапезунду, а оттуда морем к Кафе⁴⁵. Русский землепроходец привел интересные данные о войне правителя Ак-Коюнлу Узун Хасана с турецким султаном Мехмедом II. Узун Хасан был союзником последнего трапезундского императора Давида. Получив персидский трон (1471), Узун Хасан начал вести наступательную войну против османов. Афанасий Никитин сообщил, что «Асанбег» послал против турок 40 тысяч своей рати, которая взяла Сивас, Токат, Амасию и пошла к Караману⁴⁶. Войска были близко от Трапезунда, и в городе сохранялась тревожная обстановка — искали лазутчиков Узун Хасана. Никитин шел через территорию последнего и подвергся в Трапезунде досмотру, все его имущество забрали «в город, на гору» (т. е. в трапезундскую крепость) и обыскали, стремясь обнаружить грамоты от Узун Хасана. Эттеров список «Хожения» добавляет, что имущество путешественника во время обыска было ограблено⁴⁷. Эти данные указывают на то, что и после падения Трапезундской империи в ее столице оставались сторонники прежней династии, в пользу которой действовал Узун Хасан. Значение сочинения Афанасия Никитина для нашей темы, конечно, не исчерпывается приведенными в нем фактами из истории политической борьбы в Малой Азии. Эта книга знакомила более широкий круг русских людей с далекими землями, в числе которых был и Трапезунд.

Весьма показательно, что сложившиеся в более ранний период связи Московской Руси с понтийским регионом сохранились и после турецкого завоевания последнего, заметно усиливаясь к концу XVII в. В 1688 и 1694 гг. в Москву за подаянием приезжали архимандриты трапезундского монастыря св. Георгия⁴⁸, в 1693 г. здесь была целая делегация от трапезундского Вазелонского монастыря во главе с архимандритом Лаврентием, которая получила царскую жалованную грамоту, а один из членов посольства, греческий ученый иерей Гервасий, остался в Москве для преподавания⁴⁹. В 1742 г., когда вводилась унифицированная форма распределения милостыни монастырям Востока, тот же Вазелонский монастырь был в числе получивших право на получение из российской казны 175 рублей каждые 5 лет⁵⁰.

Что же знали наши предки о Трапезундской империи? Скучность источников затрудняет ответ на этот вопрос. И все же некоторые факты обращают на себя внимание. Как правило трапезундские владения не рассматривались в числе византийских территорий, а позже выделялись

⁴⁵ Афанасий Никитин. Хожение за три моря. 1466—1472. М.—Л., 1958, с. 29, 50, 67.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же, с. 29, 50.

⁴⁸ ЦГАДА, ф. 52, оп. 1, 7196 (1688), 13 декабря, № 8, — приезд архим. Селивестра; 7202 (1694), 26 января, № 15 — приезд архим. Лаврентия. За сообщение этих сведений приносим благодарность О. А. Белобровой.

⁴⁹ Παπαδόπουλος — Κεραρέβς 'Α. 'Ιεροσολυμιτική Βιβλιοθήκη, τ. 'Α. 'Εν Πετρούπολει, 1891, σελ. 451—452. В письме вазелонских монахов царям Ивану и Петру излагалась краткая история этого знаменитого монастыря и его бедствия в турецкое время. См. также: Успенский Ф. И., Бенешевич В. Н. Вазелонские акты. Л., 1927, № 188, с. 124. Возможно, что Гервасий предназначался для преподавания в Славяно-греко-латинской академии. Примечателен и еще один факт — приезд трапезундских греков в Москву в 1693—1694 гг. состоялся накануне русско-турецкой войны.

⁵⁰ Кантгеве Н. Ф. Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. Сергиев Посад, 1914, с. 135—136. В трапезундском Сумелийском монастыре с XVIII в. сохранялась рукопись начала XVII в. с интереснейшими мемуарами архиепископа суздальского грека Арсения о событиях смутного времени; см. Дмитриевский А. А. Архиепископ Елассонский Арсений и мемуары его из русской истории по рукописи трапезундского Сумелийского монастыря. Киев, 1899, с. 198—199.

и среди турецких земель⁵¹. Само название Трапезунда всплывает подчас у составителей и редакторов самых разнообразных русских источников. Укажем на добавление XV в. в Уставе князя Всеволода. В Соловецком списке этого новгородского памятника редактор ввел отсутствующее в других списках замечание: киевский митрополит Михаил был взят князем Владимиром «от земля Трапизоньския к Белой Руси, к граду Киеву»⁵². Другой пример — упоминание трапезундской митрополии в русских летописях при изложении Устава (нотииции епископий) Льва Премудрого⁵³. С Трапезундской империей мы встречаемся и в произведениях древнерусской литературы, связанных с турецкой темой. В «Сказаниях брани венециан противу турецкого царя» говорится о покорении Трапезундского царства османами. И хотя эта повесть, вероятно, принадлежит к числу переводных произведений, она значительно переработана, приспособлена к русским вкусам и представлениям начала XVI в. Несмотря на историческую недостоверность многих свидетельств повести, сдвиги в хронологии событий, она верно оценивает общий ход османских завоеваний, указывает важнейшие из них. О Трапезундской империи говорится трижды на восьми страницах рукописи, в то время как даже Константинополь упомянут лишь раз (правда, сведения о его падении точнее)⁵⁴.

Все приведенные данные, однако, на наш взгляд, не дают оснований говорить об особой роли Трапезундской империи как наследницы Византии в связях с Русью с 1453 по 1461 г.⁵⁵ Это было исключительно тяжелое время для империи Великих Комнинов. Интенсификация связей в этот период в источниках не прослеживается, не менялся и характер взаимоотношений. При всей значительности политических и церковных связей Трапезунд не мог иметь для Руси того же значения, что и Константинополь. Если бы Трапезунд мог казаться русским преемником Византии, это нашло бы адекватное выражение в русских источниках. Кроме того, и в этот период Морея имела более важное значение для Руси, чем Трапезунд⁵⁶.

Оценивая совокупность данных об отношениях русских земель с Трапезундской империей, можно констатировать, что сам характер источников выделяет на первый план сферу церковных связей. Материалов по истории торговли чрезвычайно мало. Но нельзя пренебрегать тем, что, несмотря на узость сферы церковного общения, сама эта сфера в средние века неотделима от политических и культурных связей, для Византии в особенности. Государственные взаимоотношения могли реализоваться в церковной политике и даже растворяться в последней⁵⁷. Это было логическим следствием положения церкви в средние века, выступавшей «в качестве наиболее общего синтеза и наиболее общей санкции существующего феодального строя»⁵⁸. Нельзя упустить и еще одно обстоятель-

⁵¹ Это наблюдается почти во всех цитированных выше произведениях древнерусской литературы (см. прим. 37, 44); Акты исторические, т. I, с. 128. В Новгородской летописи «Трапизонская земля» обособляется от «турского салтана земли»; см. ПСРЛ, т. 13, с. 391 (под 1565 г.); ср. т. 30, с. 340—341; Казакова Н. А. Новый памятник турецкой темы в русской литературе XVI в. — В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1974 г. М., 1975, с. 69—70. В конце XVII в. в Мазуринском летописце город Трапезунд — уже «арменския страны»; см. ПСРЛ, т. 31, с. 119.

⁵² Шапов Я. Н. Указ. соч., с. 176.

⁵³ См., например: ПСРЛ, т. 5, с. 90—91.

⁵⁴ Казакова Н. А. Указ. соч., с. 69—70.

⁵⁵ Шапов Я. Н. Указ. соч., с. 176 и прим. 114.

⁵⁶ См.: Тихомиров М. Н. Греки из Морей в средневековой России. — СВ, 25, 1964, с. 166—175.

⁵⁷ М. Н. Тихомиров писал, что «в средневековье церковная и гражданская политика смешивались в единое целое»; см.: Тихомиров М. Н. Исторические связи России со славянскими странами и Византией, с. 37.

⁵⁸ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 361.

ство: как явствует из источников XVI—XVII вв., восточные иерархи приезжали на Русь в сопровождении многочисленных торговых людей⁵⁹. Отмеченные свидетельства трапезундско-русских отношений, учитывая ограниченность и фрагментарность материалов, имеют более весомый смысл, чем только объективно содержащаяся в источниках информация: ведь в летописи и акты попадали лишь важнейшие факты, имевшие значение для социальных заказчиков этих источников. Ими отмечены немногие проявления экономических и торговых связей. Между тем историки искусства подчас считали возможным говорить о близости живописных школ Древней Руси и трапезундской области, связанной с Востоком⁶⁰. Но эта сторона взаимоотношений еще ждет своего исследователя.

⁵⁹ См.: *Каптерев Н. Ф.* Указ. соч., с. 117—118.

⁶⁰ См., например: *Алпатов М., Брунов Н.* Краткий отчет о поездке на Восток. — ВВ, 24, 1926, с. 62.